

Серия 5-23 10 000
Баруздин

КАК КУРЫ
научились
ПЛАВАТЬ

ДЕТГИЗ 1962

Сергей
Баруздин

КАК КУРЫ
НАУЧИЛИСЬ
ПЛАВАТЬ

Маленькие
рассказы

ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
№ 98
Октябрьского района
г. Москвы

1970

РИСУНКИ

Н. УСТИНОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Министерства Просвещения РСФСР

Москва 1962

Х/х
7/7
6224
©

ПРОСТУЖЕННЫЙ ЁЖИК

Было это поздней осенью в последний год войны. Шли бои на польской земле.

Однажды ночью мы обосновались в лесу. Разожгли костёр, согрели чай. Все улеглись спать, а я остался дежурить. Через два часа меня должен был сменить на посту другой солдат.

Сидел я с автоматом у догоравшего костра, на угольки посматривал, к шорохам лесным прислушивался. Ветер шелестит сухой листвой да в голых ветвях посвистывает.

Вдруг слышу — шорох. Будто кто-то по земле ползёт. Я встал. Автомат наготове держу. Слушаю — шорох смолк. Опять сел. Снова шуршит. Где-то совсем рядом со мной.

Что за оказия!

Глянул я под ноги. Вижу — кучка сухой листвы, да будто живая: сама собой движется. А внутри, в листьях, что-то фыркает, чихает. Здорово чихает! Присмотрелся получше: ёжик. Мордочка с маленькими чёрными глазками, уши торчком, на грязно-жёлтых иглах листья наколоты. Подтащил ёжик листья поближе к тёплому местечку, где костёр был, поводит носом по земле, чихнул несколько раз. Видно, простудился от холода.

Тут время моей смены настало. Заступил на пост солдат — казах Ахметвалиев. Увидел он ежа, услышал, как тот чихает, и ну меня ругать:

— Ай, нехорошо! Ай, нехорошо! Сидишь и смотришь спокойно. А у него, может, грипп или воспаление. Смотри, весь дрожит. И температура, наверное, очень большая. В машину его надо взять, лечить его надо, а потом на волю выпускать...

Так мы и сделали. Положили ёжика вместе с охапкой листьев в наш походный „газик“. А Ахметвалиев на следующий день тёплого молока где-то раздобыл. Ёжик напился молока, согрелся и опять уснул. За всю дорогу несколько раз чихнул и перестал — поправился. Так всю зиму у нас в машине и прожил!

А когда весна настала, мы его на волю выпустили. На свежую травку. И какой денёк тогда выдался! Яркий, солнечный! Настоящий весенний день!

Только было это уже в Чехословакии. Ведь и весну и победу мы там встречали.

СИЛА ПРИВЫЧКИ

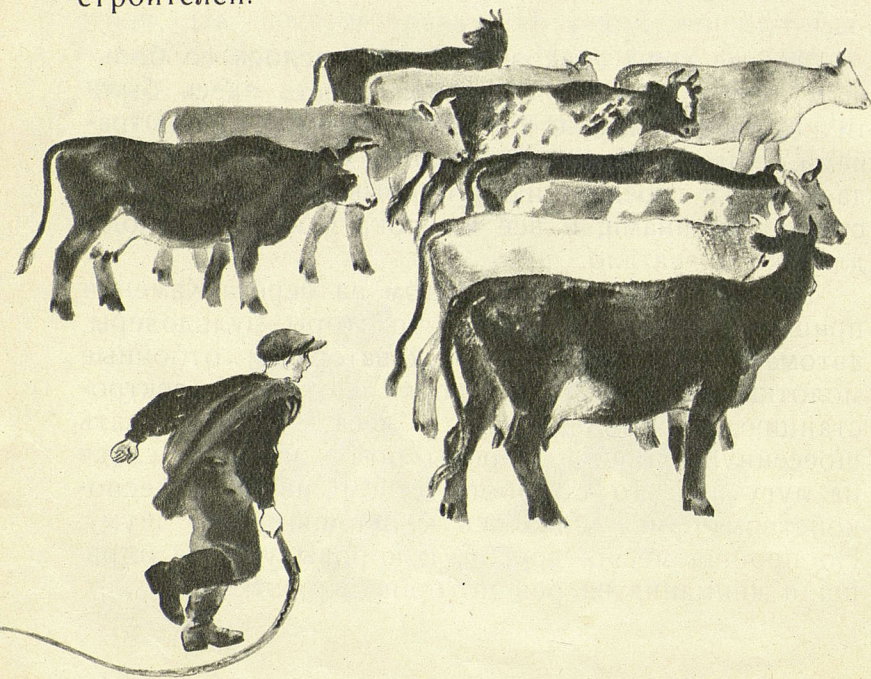
Многие годы совхозное стадо паслось на большом лугу у речушки Каменки. Места здесь были тихие, раздольные, с невысокими, но сочными травами. Правда, Каменка от лета к лету мельчала, да и луг к середине июля покрывался бестравными сухими лысынами, и всё же пока и кормов и воды для скота хватало.

Но вот позапрошлым летом на берега Каменки пришли рабочие. Затрещали тракторы, бульдозеры, автомашины, зашумели экскаваторы и отбойные молотки. На реке стали строить плотину и электростанцию, а чуть дальше, у леса, — прокладывать шоссейную дорогу. Коровы по-прежнему паслись на лугу и не то с любопытством, не то с беспокойством прислушивались к непривычному шуму. Но прошёл месяц, другой, и коровы уже не обращали внимания на рёв моторов. Привыкли.

Вечером, перед заходом солнца, работы на строительстве прекращались. Как только стихал шум моторов, коровы уже знали: пора отправляться домой.

Стадо само брело в деревню. Пастуху ничего не оставалось делать, как отрываться от книжки и шагать за своими подопечными. Так было каждый вечер два лета подряд, пока шло строительство.

Но вот работы закончились. Была готова плотина и электростанция, проложен участок новой дороги. Солнце ещё было высоко в небе, когда заглохли моторы тракторов и машин, перестали шуметь отбойные молотки и вспыхивать огоньки электросварки. Перевалив за бугор, последний тягач увёз по новому шоссе походный вагончик строителей.

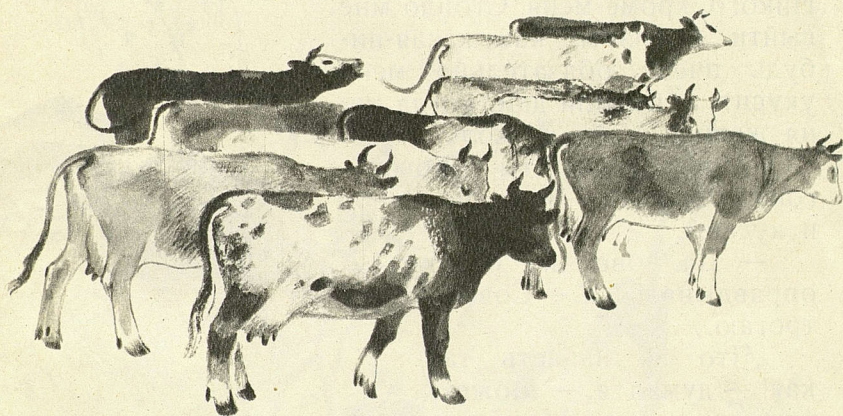
И вдруг пастух заметил, что коровы в стаде забеспокоились. Они перестали щипать траву, повернулись в сторону реки и с удивлением прислушивались к наступившей тишине. Наконец, словно поразмыслив о чём-то, они медленно двинулись в сторону деревни.

— Куда пошли? Давай назад! — закричал ничего не понимавший пастух, стараясь повернуть стадо.

Коровы на минуту останавливались, смотрели на пастуха внимательными, задумчивыми глазами и вновь шли по дороге в деревню.

Как ни бился пастух, а остановить стадо так и не смог. Только когда коровы подходили уже к скотному двору, он понял, в чём дело.

С трудом привыкали коровы к шуму, а теперь придётся их к тишине приучать. Видно, и у коров есть сила привычки!

ПЧЕЛИНАЯ НАПАСТЬ

Жил я в детстве в деревне на Ярославщине. Всем был доволен: и рекой, и лесом, и полной свободой.

Часто сидел с ребятами в ночном у костра.

Но было одно „но“. Вот об этом „но“ я и хочу рассказать.

У хозяина дома, в котором мы жили, было несколько ульев с пчёлами. Говорят, пчёлы — миролюбивые существа, если их не обижать. И верно: наши пчёлы никого не кусали, не трогали. Никого, кроме меня. Стоило мне выйти из избы, как какая-нибудь пчела обязательно меня укусит. А бывали дни, когда меня жалили и по нескольку раз.

— Балуешься ты много, — говорила мать, — вот они тебя и кусают.

— Да вовсе не балуюсь! — оправдывался я. — Совсем их не трогаю.

„Что за напасть такая! — думал я. — Может, они меня перепутали с кем-то? Ведь другие пчёлы не жалят меня — в лесу, в поле, — а свои...“

Время шло, и не было дня, чтобы я избежал этой пчелиной напасти. То под глазом у меня шишка, то на щеке, то на затылке, а однажды пчела ужалила в спину, и я совсем измучился: почесать укушенное место и то нельзя — рукой никак не дотянешься.

Хотел я спросить нашего хозяина, почему пчёлы меня не любят, но побоялся. „Подумает ещё, что я действительно их обижаю. Как я ему докажу, что вовсе их не трогаю? А ведь пчела, говорят, после того, как ужалил, умирает. Значит, немало их по моей вине погибло“.

Но вышло так, что я всё равно не избежал разговора с хозяином. И хорошо, а то бы всё лето мучился.

Как-то вечером сидел я весь искусанный за столом, ужинал. Вошёл в комнату хозяин, спрашивает:

— Тебя что, пчёлы покусали?

— Покусали, — говорю. — Только вы не подумайте, что я их дразнил. Я к ульям и близко не подхожу...

Хозяин недоверчиво покачал головой.

— Странно, — говорит. — Они у меня смирные...

А сам, вижу, ко мне присматривается.

— А ты лук любишь? — спрашивает вдруг он. — Вроде луком от тебя пахнет.

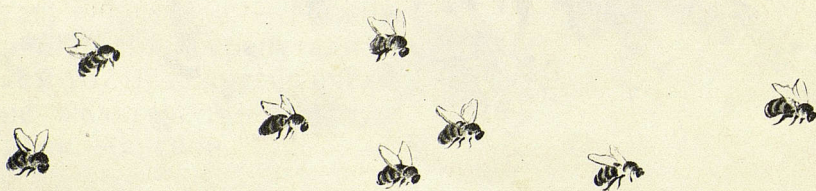
Я обрадовался, что меня не ругают за пчёл, и отвечаю:

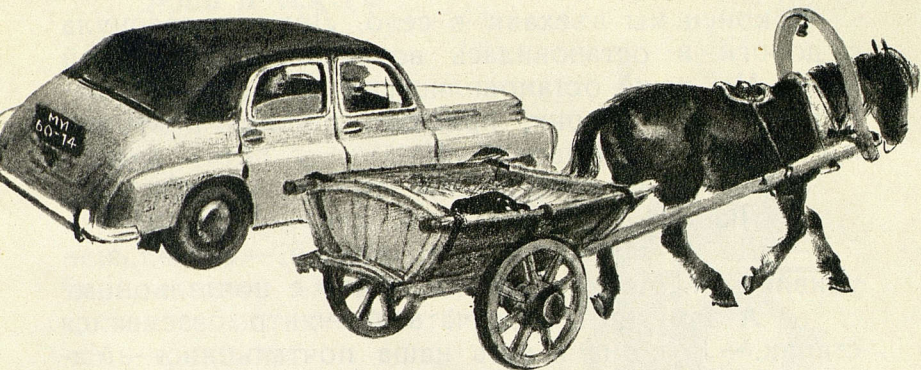
— Да, очень люблю! Каждый день, наверное, кило зелёного лука съедаю. С солью да с чёрным хлебом. Знаете, как вкусно!

— Вот, брат, за это они тебя и кусают, — рассмеялся хозяин. — Мои пчёлы прямо не переносят запаха лука. Да и вообще пчёлы к разным запахам очень привередливы. Есть такие, что одеколон не любят или керосин, а мои — лук. Придётся тебе воздержаться от лука.

С того дня я за всё лето больше ни одной стрелки лука не съел. Если в супе попадался — всё равно выбрасывал. Боялся, что пчёлы покусают.

А они и верно перестали меня жалить. Однажды я даже рядом с ульями стоял, когда соты из них вынимали, и то пчёлы не тронули меня!

НЕОБЫЧНЫЙ ПОЧТАЛЬОН

По дороге в деревню Озёрки мы нагнали бричку. Но, к нашему удивлению, седока в ней не оказалось.

Мы вылезли из машины. Я остановил лошадь. Она беспрекословно послушалась, стала на дороге. Мы заглянули в бричку. К сиденью был привязан мешок. В нём лежали газеты и письма.

— Странно! — сказал мой приятель. — Бричка почтовая, а где почтальон?

— В том-то и дело!

Пока мы рассуждали, лошадь стояла. Но вот она увидела, что мы возвращаемся к машине, и двинулась в путь.

— Поедем потихоньку за ней и посмотрим, — предложил мой приятель.

До Озёрков было ещё километра два. Мы продолжали медленно двигаться вслед за бричкой. Лошадь спокойно трусила по дороге, лишь изредка замедляя шаг и оглядываясь в нашу сторону.

Наконец мы въехали в село. Лошадь свернула с дороги и остановилась возле второй крайней избы. Мы тоже остановились. В это время из каляитки вышел старик, привязал лошадь к столбу и стал снимать мешок.

Заметив нас, он спросил:

— Любопытствуете?

— Да не просто любопытствуем, — сказал я, — удивляемся. Может, случилось что с почтальоном?

— А чему ж тут случаться? — хитро засмеялся старик. — Вот она и есть наша почтальонша — Марья Иванна, а попросту Машка! — И он похлопал лошадь. — Дорога у нас до почты близкая, ей известная. А там её уже все знают. Вот она и бегаёт туда-сюда.

Мы весело переглянулись.

— А всурьёз-то говорить, прямо беда с этими почтарскими делами, — пожаловался старик. — Молодые не идут нонче в почтальоны и верно делают. Что за работа: три версты туда да три обратно. Я на пенсию вышел, вот по старой привычке и несу почтарские обязанности. Вроде бы как по общественной линии! Да и Марья Иванна помогает. Недостаток у неё, верно, есть один — неграмотная! Расписываться не может. Когда там посылки есть или переводы на деньги, мне самому приходится. А так справляется! Ладно работает!

ЛОСЬ В ТЕАТРЕ

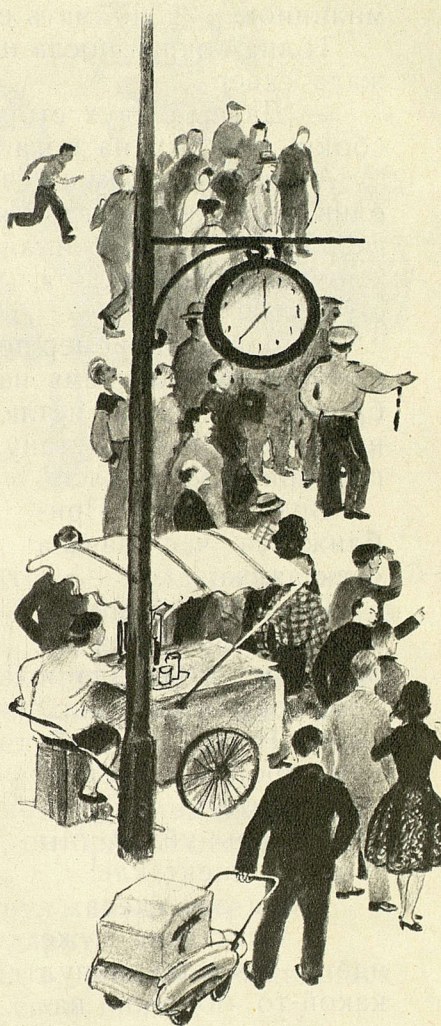
В старом уральском городе построили новое здание театра. С нетерпением ждали горожане его открытия. Наконец этот день настал. Вернее, не день, а вечер — спектакль должен был начаться в семь тридцать.

Не было ещё и семи часов, а люди уже стали подходить к театру. Здесь, перед театром, совсем недавно разбили сквер.

Но что это?

В сквере важно расхаживал красавец лось, а вокруг него беспомощно бегали два милиционера с верёвками. Лось чувствовал себя довольно спокойно. С гордым видом ходил он вокруг клумбы, останавливался, срывал верхней губой несколько цветков и вновь отправлялся в „кругосветное путешествие“.

— Зачем вы его ловите? Он сам уйдёт! — крикнул кто-то из толпы.

— В том-то и дело, что не уходит. Мы уже час с ним здесь мучаемся, — сокрушённо признался милиционер. — Поймать его надо да в лес отправить!

Толпа вокруг росла и уже плотной стеной окружала сквер.

— Да вы с двух сторон заходите! Сбоку лучше, сбоку! Верёвку на рога накиньте! — летели советы.

А милиционерам и без советов было худо. Только один из них направлялся навстречу лосю, — тот нагибал голову, прижимал уши и перебирал ногами. Слово показывал: я, мол, в случае чего могу стукнуть!

Второй милиционер попробовал в это время набросить на рога петлю, но лось ловко крутанул головой и увернулся.

Время шло. Приближался час начала спектакля.

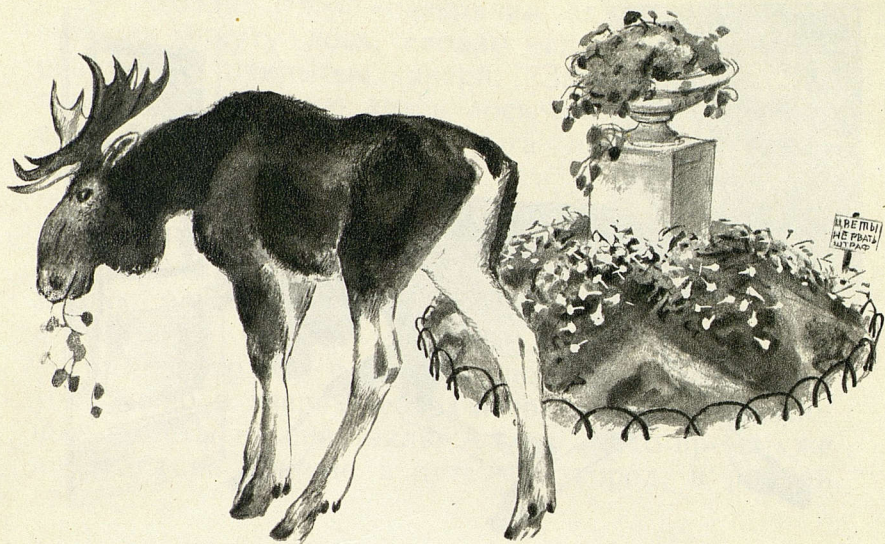
Обеспокоенный администратор театра выбежал из подъезда и умоляюще заговорил:

— Товарищи! Дайте же пройти зрителям! Расступитесь! Пусть этот зверь уйдёт. Мы срываем спектакль!

Толпа зашумела.

— Спектакль уже идёт! — весело крикнул какой-то молодой парень.

— Граждане! Расступитесь! — поддержал администратора милиционер. — Мы попробуем отогнать лося от театра.

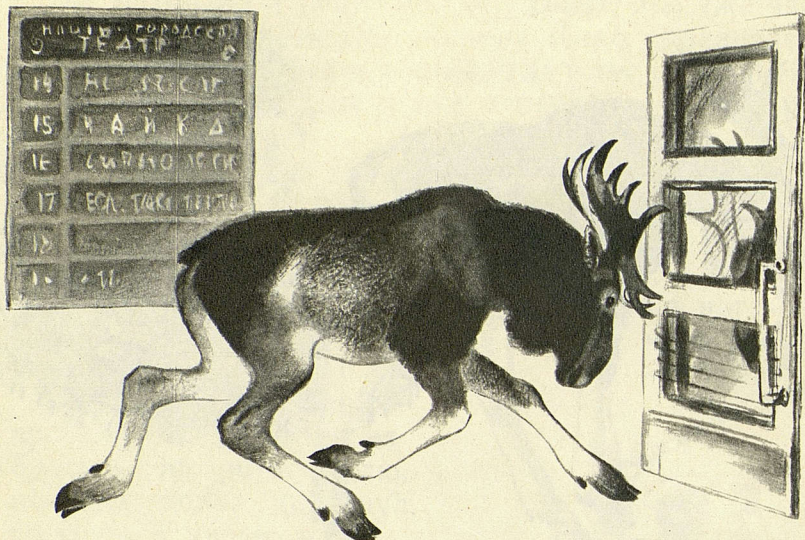
Пока милиционеры разгоняли толпу любопытных, лось медленно поднялся на цветочную клумбу и равнодушно смотрел оттуда на шумящих людей.

Но, как только милиционеры и администратор попробовали прогнать его, он принял решительную позу для самозащиты.

— Осторожнее! — крикнул милиционер. — Передних ног бойтесь! Может ударить.

Было уже семь тридцать, когда отчаявшийся администратор предложил свой план:

— Давайте так. Пусть все окружают сквер и

постепенно сужают кольцо вокруг лося. Оставьте для него только узкий коридор, а мы погоним лося.

— Пожалуй, это идея! — согласились в один голос милиционеры.

— Правильно! Давай! — поддержали их из толпы.

Люди стеной обступили сквер, оставив в нём коридор для лося.

— Начинай! — крикнул администратор.

Кольцо стало сужаться.

Но лось вовсе не захотел идти в коридор. Он повернулся мордой к театру и гордо подошёл к первой ступеньке. Ступил на неё, потом на вторую и через минуту уже оказался у самых дверей.

— Хватай! Вяжи! — закричал администратор, и в ту же минуту лось, словно испуганный криком, рванул в открытые двери. Зазвенело разбитое стекло. Первую дверь лось миновал, а вторую ему пройти не удалось: рога помешали. Лось застрял.

Здесь милиционеры его и связали. Сначала задние ноги, а затем и передние. Потом остановили первый попавшийся пустой грузовик и с помощью осмелевших добровольцев погрузили лося в кузов.

Администратор с грустью посмотрел на разбитое стекло в дверях театра и пригласил всех имеющих билеты на спектакль. А лось в это время уже двинулся на машине в путь — за город, в родной лес.

ЗАБРАКОВАННЫЙ МИШКА

На киностудии снимали новый фильм. В фильме должна была быть такая сцена. В избу, где спит уставший с дороги человек, залезает медведь. Человек в испуге просыпается. Ещё больше пугается, увидев человека, медведь. Он убегает в окно. Вот и всё. Пустяковая сцена, на две минуты.

Работникам студии потребовался медведь. Чтобы долго не искать, решили взять мишку из цирка. В городе как раз шла программа, в которой выступал дрессировщик медведей.

Наутро дрессировщик привёз на студию самого крупного медведя.

— Вы его не бойтесь, — сказал дрессировщик. — Мой Топтыгин совсем ручной.

В подтверждение его слов медведь добродушно облизал всем руки, охотно съел предложенное ему пирожное, а обнаружив в одном из залов студии велосипед, ловко прокатился на нём.

— Действительно, артист! — обрадовался режиссёр. — Нам именно такой и нужен. Мы его даже без репетиции снимем!

В павильоне студии была построена часть избы — с окном и дверью, с лавкой у стены. В дверь мишка должен был войти, в окно — выскочить.

Настал день съёмок. Приготовили аппараты. Артист лёг на лавку, притворился спящим. Режиссёр дал команду. Включили яркий свет. В приоткрытую дверь избы дрессировщик впустил медведя. И тут произошло неожиданное.

Попав на яркий свет, мишка встал на задние лапы и начал танцевать. Затем он несколько раз перекувырнулся через голову и, довольный, уселся посреди избы.

— Нет! Нет! Отставить! Так не пойдёт! — закричал режиссёр. — Почему он танцует и кувыркается? Это же дикий медведь!

Смущённый дрессировщик виновато увёл медведя за декорации. Всё начали сначала. Опять команда. Опять артист растянулся на лавке. Опять включили яркий свет.

Мишка, проснувшись боком в полуоткрытую дверь избы, увидел яркие лучи прожекторов, тут же поднял задние лапы и прошёлся „на руках“.

— Стоп! Отставить! — закричал раздосадованный

режиссёр. — Неужели нельзя ему как-нибудь объяснить, что всё это не нужно?

Но объяснить мишке было трудно.

Так прошёл весь день. И следующий. И ещё один. И всё равно, как только начиналась очередная съёмка и мишка попадал под свет прожекто-

ров, он начинал старательно выполнять знакомые ему цирковые номера.

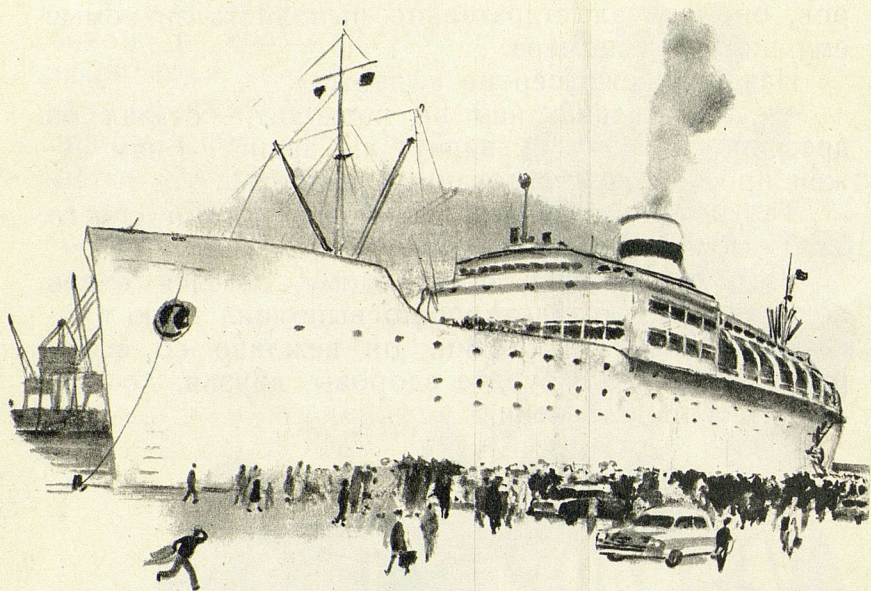
Наконец режиссёр не выдержал.

— Ваш медведь нам не подходит, — сказал он дрессировщику. — Он, видите ли, артист, а нам нужен простой, необразованный медведь...

Так и пришлось дрессировщику увести своего „забракованного“ Топтыгина.

Зато сам мишка, по-видимому, остался очень доволен тем, что так хорошо выполнил свою программу. Уходя из студии, он вежливо со всеми раскланялся: мол, будьте здоровы, друзья, до следующего представления!

ДВУХМЕТРОВОЕ НЕСЧАСТЬЕ

В Одессе я хотел разыскать своего старого фронтового товарища, который теперь служил моряком дальнего плавания. Я знал, что теплоход, на котором он плавает, только что вернулся из заграничного рейса.

Когда я пришёл в порт, оказалось, что теплоход уже разгрузился и команда его вчера списана на берег. В управлении порта я узнал адрес моего товарища и отправился к нему домой.

В новом доме на улице Халтурина я поднялся на третий этаж и позвонил. Мне никто не ответил. Я позвонил ещё раз.

В глубине квартиры послышался скрип двери, смех. Чей-то женский голос крикнул:

— Кто там?

Я сказал через закрытую дверь, кого мне нужно.

Опять раздался смех, и тот же голос ответил:

— Зайдите попозже! Мы открыть вам никак не можем! Мы тут арестованы.

Я подумал, что меня разыгрывают. И совсем неумно! Если товарища нет дома, почему нельзя открыть дверь и сказать об этом по-человечески?

Спустившись вниз, я около часа бродил по городу, и уже скорее любопытство, чем необходимость, вновь привело меня к странной квартире. Я опять позвонил и услышал скрип двери, хохот и вопрос:

— Кто там?

Пришлось повторить, зачем я пришёл.

Вновь хохот, и тот же ответ. Только более вежливый:

— Зайдите, пожалуйста, ещё чуть позже. Ваш товарищ скоро вернётся. А мы тут, право, арестованы и не можем выйти в коридор. У нас, видите ли, двухметровое несчастье поселилось...

Откровенно говоря, я совсем растерялся. Или действительно со мной валяют дурака, или это что-то забавное. Чтобы не прозевать своего товарища, я стал прогуливаться возле подъезда.

Наконец вижу: идёт. Обнялись на радостях, и здесь я уже не выдержал.

— Что там у тебя такое в квартире? — спрашиваю. — Какие арестованные? Что за двухметровое несчастье?

Он расхохотался.

— Так и знал! — говорит. — Это соседки мои из комнаты выйти боятся. А чего боятся, когда он маленький и совсем безвредный? Да и запер я его в комнате. Говорил же им, успокаивал. А они мне: он под дверь может пролезть...

— Подожди, о ком ты? — переспросил я. — Кто маленький? Кто безвредный?

— Да удавчик. Двухлетний всего. Два метра длиной только! — объяснил мне товарищ. — В порту одном ребяташки подарили. Вот капитан и поручил мне в зоопарк его пристроить. Вчера поздно было, так я сейчас ходил договариваться. А ночь он у меня дома провёл. Вот и всё. Сейчас отнесу.

Через несколько минут мы с товарищем уже шли в сторону зоопарка. Удавчика мой приятель нёс на шее, как венок. И верно, удавчик оказался существом совсем безобидным. Он не пытался удрать, а только изредка шипел и разевал пасть.

Правда, прохожие шарахались от нас в сторону. Но зря. Опасаться им было нечего.

ВЕЖЛИВЫЙ БЫЧОК

У опушки леса пасся бычок. Маленький, месяц от роду, но довольно плотный и бойкий.

Бычок был привязан верёвкой к колышку, вбитому в землю, и так весь день ходил по кругу. А когда верёвка слишком натягивалась, не пуская бычка, он поднимал морду с неровной белой звёздочкой на лбу и тянул неустановившимся, дребезжащим голосом:

„М-м-му!“

Каждое утро мимо бычка проходили ребята из детского сада, отдыхавшие по соседству.

Бычок переставал щипать траву и приветливо кивал головой.

— Поздоровайтесь с бычком, — говорила воспитательница.

Ребята хором здоровались:
— Здравствуйте! Здравствуйте!
Они говорили с бычком, как со старшим,
на „вы“.

Потом ребята, идя на прогулку, стали приносить бычку разные лакомства: кусок сахара, или сдобную булку, или просто хлеб. Бычок охотно брал угощение прямо с ладони. А губы у бычка мягкие, тёплые. Так, бывало, приятно пощекочет ладошку. Съест и головой закивает: „Спасибо за угощение!“

— На здоровье! — ответят ребята и побегут на прогулку.

А когда вернутся, вежливый бычок снова приветливо кивнёт им головой:

„М-м-му!“

— До свиданья! До свиданья! — хором отвечали ребята.

Так повторялось каждый день.

Но вот однажды, отправившись на прогулку, ребята не нашли на прежнем месте бычка. Опушка была пуста. Ребята заволновались:

не случилось ли что-нибудь? Стали звать бычка. И вдруг откуда-то из лесу раздалось знакомое:

„М-м-му!“

Не успели ребята опомниться, как из-за кустов, задрав хвост, выбежал бычок. За ним тянулась верёвка с колышком.

Воспитательница взяла верёвку и вбила колышек в землю.

— А то ещё убежит, — сказала она.

И вновь бычок, как прежде, поздоровался с ребятами:

„М-м-му!“

— Здравствуйте! Здравствуйте! — отвечали ребята, угощая бычка хлебом.

На следующий день повторилось то же самое. Сначала бычка не было, а потом, когда он появился, за ним тянулась верёвка с выдернутым

колышком. И опять пришлось воспитательнице привязать бычка.

Ребята пошли дальше в лес. Стали играть. Вдруг навстречу им женщина.

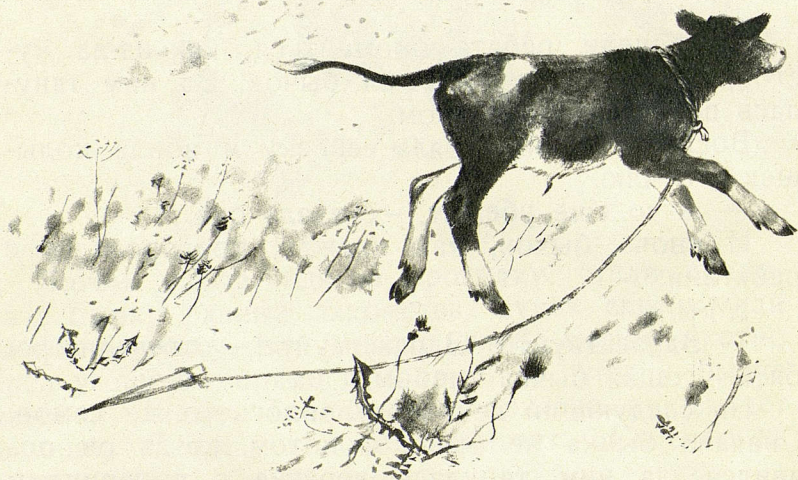
— Вы здесь поблизости бычка не видали? — спрашивает. — Чёрненький такой, со звёздочкой на лбу.

— Видели! Видели! — закричали ребята.

— Он на месте, на опушке, — сказала воспитательница. — Я его там привязала.

— Вот чудеса! — пожала плечами женщина. — Второй день привязываю бычка на новом месте, а нахожу на старом. Понять не могу, чем оно ему так полюбилось!

— Наверное, он к ребятам моим привык, — засмеялась воспитательница. — Бычок у вас вежливый, каждый день с нами здоровается.

— Не уводите его от нас! — стали просить ребята. — Мы с ним дружим!

— Да уж если дружки просят, придётся оставить! — согласилась женщина. — Раз он с ребятами подружился...

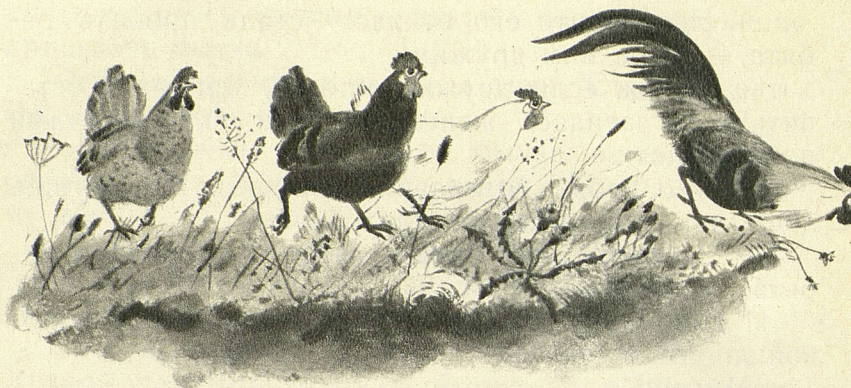
Наутро ребята отправились в лес. На опушке леса, как и прежде, их ждал бычок.

— Здравствуйте! Здравствуйте! — закричали ребята.

И довольный бычок закивал им в ответ головой:

„М-м-му!“

КАК КУРЫ НАУЧИЛИСЬ ПЛАВАТЬ

Летом путешествовали мы по Украине. Как-то вечером остановились на берегу Сулы, решили переночевать. Время было позднее, темень непроглядная. Место долго выбирать не пришлось. Загнали машину поближе к воде, осмотрелись. Слева маячил огромный шоссейный мост. Впереди, на противоположном берегу Сулы, мерцал последними ночными огоньками город Лубны. По сторонам пусто.

„Ну, — думаем, — хорошо: мешать никому не будем. А завтра заодно и машину помоем“.

Натянули палатку, искупались на скорую руку и легли спать.

Только уснули — чувствую, будит меня мой товарищ:

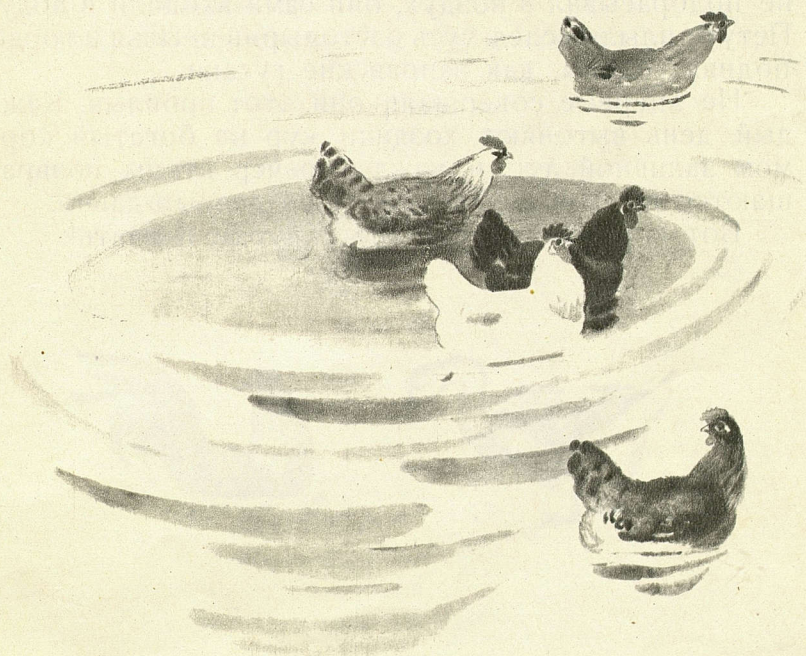
— Смотри, тёзка, смотри!

Высунул я голову из палатки, смотрю — ничего

не понимаю. Над рекой ещё туман стелется, еле-еле рассвет забрезжил, а шум и гам стоит, как на базаре. Гоготанье, криканье, кудахтанье, хлопанье крыльев. Какие-то большие белые птицы летят с противоположного берега на наш, проносятся над палаткой и опускаются за машиной. А на капоте машины стоит петух и горланит что есть силы:

„Ку-ка-реку! Ку-к-ка-реку!“

Тут я окончательно проснулся и понял, что к чему. Это хозяйки перегоняли на наш берег птицу. Гуси и утки сами перебирались по воде, а кур подбрасывали в воздух, и они перелетали реку. Некоторые долетали лишь до середины, опускались на воду и добирались до нашего берега вплавь, словно настоящие пловцы.

А петух всё кукарекал. Только теперь мне показалось, что смысл его кукареканья иной:

„Ну-к-ка, в реку! Ну-к-ка, в реку!“

Наверное, он просто подбадривал своих подопечных.

— Впервые вижу, что куры так плавают, — сказал мой товарищ.

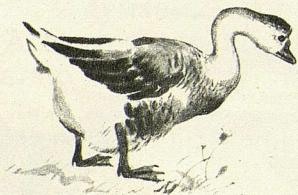
— И мне не доводилось, — ответил я. — А как же они вечером обратно будут добираться?

Мы никуда не поехали. Решили дожидаться вечера и посмотреть.

Весь день куры вместе с гусями и утками паслись на нашем заливном лугу. А как стало садиться солнце, куры первыми подошли к берегу Сулы и отправились в обратное плавание. Теперь их никто не подбрасывал в воздух, они сами входили в воду. Петухи плыли вслед, чуть растопырив крылья и гордо подняв головы, как заправские гусаки.

Не впервые совершали они этот проплыв. Каждый день выгоняют хозяйки кур на богатый кормом заливной луг, и каждый вечер птицы возвращаются по домам. Так повелось давным-давно.

Вот и пришлось научиться курам плавать!

СОДЕРЖАНИЕ

Простуженный ёжик	3
Сила привычки	5
Пчелиная напасть	8
Необычный почтальон	11
Лось в театре	13
Забракованный мишка	18
Двухметровое несчастье	22
Вежливый бычок	25
Как куры научились плавать	30

Для дошкольного возраста

Баруздин Сергей Алесеевич

КАК КУРЫ НАУЧИЛИСЬ ПЛАВАТЬ

Ответственный редактор *Л. Я. Либет*. Консультант по художественному оформлению *П. И. Суворов*.
Технический редактор *С. Г. Маркович*. Корректора *Е. Б. Кайрукишис* и *Л. М. Николаева*.
Сдано в набор 18/XI 1961 г. Подписано к печати 5/II 1962 г. Формат 84×108¹/₈—2,25 печ. л.—3,78
усл. печ. л. (2,33 уч.-изд. л.). Тираж 350 000 (100 001—350 000) экз. ТП 1962 № 26.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Суцеский вал, 49. Заказ № 1840.